Светлана Алешина

Дамы любят погорячее

Часть сборника

Дамы любят погорячее (сборник)

TV журналистка

Светлана Алешина

Дамы любят погорячее

«Научная книга»
2002

Алешина С.

Дамы любят погорячее / С. Алешина — «Научная книга», 2002 — (TV журналистка)

Вот и не верь после этого в приметы… Актрисе Марине Белогуровой, героине ток-шоу Ирины Лебедевой «Женское счастье», приснился сон, который уже дважды в ее жизни предвещал смерть близких… Во время эфира Марина держалась с достоинством, следуя совету Ирины – не обращать на сны внимания. Однако все же сон оказался в руку: незадолго до конца передачи ее гражданский муж Игорь, сидящий в студии, внезапно умер от сердечного приступа. И буквально на следующее утро к убитой горем актрисе явился следователь, провел обыск и нашел в мусорном ведре пузырек из-под яда. Марине предъявлено обвинение. Но тележурналистка Лебедева не верит в то, что ее подруга могла совершить подобное. Марину кто-то подставил. Но кто? И что за этим стоит – ревность, зависть, месть?..

© Алешина С., 2002
© Научная книга, 2002

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Светлана Алешина
Дамы любят погорячее

Глава 1

Она появилась в нашей редакции, и сразу словно прибавилось солнца. Если эта женщина поразила меня, когда я видела ее на сцене, в роли прекрасной Донны Анны, то, признаюсь честно, она не менее восхитила меня, представ в образе современницы. Марина Белогурова, актриса одного из театров города Тарасова, обладала не просто красивой наружностью. Нет, помимо классической правильности черт и изгибов фигуры, было в ней нечто, что завораживает, что притягивает взгляды и заставляет любоваться. Блондинка с длинными волосами, глубокими синими глазами и обворожительной родинкой на левой щеке, слегка улыбаясь – возможно, в этой легкой полуулыбке и скрывалась ее тайна, – появилась у нас в редакции и сказала своим чистым, звонким голосом:

– Здравствуйте, я Марина Белогурова.

И мы все, сидящие здесь, замерли при одном только взгляде на нее. Она была одета во что-то светлое, что-то, казалось, воздушное, отчего сразу вспоминались строки Пастернака: «Ты появишься у двери… В чем-то белом, без причуд… В чем-то впрямь из тех материй… Из которых хлопья шьют…» Вот и на ней было надето какое-то белое платье без особых изысков, и от этого она и казалась какой-то нереальной. Даже у нас, женщин, известных завистниц чужой красоте, такое вызвало восхищение. Мы смотрели на Марину обожающими глазами, а она все стояла у двери со своей полуулыбкой на слегка тронутых розовой помадой губах.

Первой опомнилась Галина Сергеевна Моршакова, режиссер нашей передачи «Женское счастье», для ближайшего выпуска которой мы и пригласили Марину. Я, ведущая этой передачи и по совместительству рассказчик этой истории, Ирина Лебедева, увидела впервые Марину пару месяцев назад в театре, попав туда по своим делам вместе с моей подругой, Настей Палиной, и, восхитившись внешностью и талантом Марины, захотела сделать с ней передачу. Впрочем, прошло немало времени, и я даже позабыла об этом прелестном видении, пока однажды совершенно неожиданно не столкнулась с Мариной в подъезде своего дома.

Я не сразу сообразила, кто передо мной, а сообразив, вспомнила, что хотела пригласить ее на съемки. А вспомнив, уже не отстала от Марины, заговорив сразу.

– Подождите, – сказала я поднимающейся по лестнице девушке – лифт у нас, как всегда, не работал. – Она остановилась и посмотрела на меня очень внимательно.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, – меня зовут Ирина Лебедева, я ведущая передачи «Женское счастье», и у меня к вам предложение… – Марина продолжала смотреть все так же вежливо и с интересом, а я продолжила: – Могу ли я пригласить вас на прямой эфир?

Она немного помолчала и, едва заметно улыбнувшись, кивнула в ответ. Мы разговорились, и выяснилось, что Марина совсем недавно переехала в наш дом вместе со своим гражданским мужем, Игорем Смеловским. Квартира, которую они купили, по какому-то роковому совпадению, находилась как раз над моей, и Марина пригласила меня к себе в гости. Естественно, я с радостью согласилась. С тех пор мы довольно часто виделись, однако у Марины все не находилось времени на то, чтобы приехать к нам в редакцию и заняться подготовкой к передаче. Наконец, когда театральный сезон закончился, она выбрала день и вот теперь стояла на пороге редакции.

– Проходите, – пригласила ее Моршакова, дама бальзаковского возраста, всегда чрезвычайно ухоженная и вежливая с героинями передачи. Что же касается коллег и домочадцев, то порою чувство такта Галине Сергеевне изменяло, впрочем, все мы не без греха.

Марина прошла и заняла кресло напротив моего стола.

– Привет, Ира, – сказала она. – Вот я к вам и вырвалась наконец.

– Спасибо, – отозвалась я и представила гостье присутствующих. – Знакомься, это Галина Сергеевна Моршакова, наш режиссер. Обладает удивительной способностью наводить порядок в студии. – Галина Сергеевна благосклонно улыбнулась. – Это – Лера Казаринова, помощник, ей по силам любые трудности, я даже подозреваю, что в Лерином лексиконе вовсе отсутствует понятие «невыполнимо». – Наша милая помощница чуть стушевалась, видимо, на нее Маринина внешность произвела сильное впечатление.

– А этот небритый молодой человек, – кивнула я в сторону самого удобного во всей телестудии кресла, в котором развалился высокий бородатый брюнет с веселыми глазами и замашками геолога-разведчика периода этак шестидесятых тире семидесятых годов прошлого века, пытающийся сейчас сделать безучастное лицо и не выдать, насколько его поразила Марина, – Павел Старовойтов, наш оператор, по убеждениям и привычкам истинный сибарит, хотя и спец в своем деле. Вот, собственно, с нами тебе и придется иметь дело до эфира и во время него. Что скажешь?

– Я рада, что выбралась к вам, – искренне призналась или прекрасно разыграла искренность Марина, впрочем, все мы и без того уже были в ее власти.

Ну, после этого мы немного встряхнулись и приступили к обсуждению, собственно, самой передачи. Времени оставалось не так уж много: всего через три дня, в пятницу, в шесть вечера, был запланирован прямой эфир, собственно, это было «время Ч», наша передача выходила уже не первый год, а эта должна была стать последней перед летними каникулами, во время которых, как всем известно, показывают только старые записи. Что поделать, в сезон дач и отпусков рейтинги нашего «Женского счастья» автоматически падают, но нельзя было не радоваться, эфиром с Мариной мы заканчиваем очередной сезон.

Домой мы с нашей героиней поехали вместе. У Марины была маленькая, юркая и совершенно незаменимая в городе «Ока», а сама Марина во время обсуждения передачи вела себя наилучшим образом, начисто развеяв миф о том, будто все красивые женщины, а особенно актрисы, избалованные и высокомерные parvenu. Ничего такого я и прежде не замечала за своей новой соседкой, а то, что она была так мила и приветлива с моими коллегами, и вовсе меня порадовало. Что и говорить, довольно редко встречаешь таких вот обаятельных людей, особенно среди творческой интеллигенции, однако исключения попадаются, и это не может не радовать.

– Ну, что скажешь, Марина? – поинтересовалась я у нее. – Как тебе мои коллеги?

– По-моему, очень приятные люди, – ответила она с улыбкой. – И вообще, я очень довольна, что ты тогда меня окликнула, в нашу первую встречу.

– А я-то тем более! – отозвалась я.

– Кстати, Ира, а когда у тебя отпуск? – спросила Марина немного погодя, когда наша маленькая беленькая машинка замерла у светофора. – Я правильно поняла, что это будет последняя передача в этом сезоне?

– Да, а отпуск начинается с понедельника, – сообщила я, чувствуя, что при мысли о двадцати шести законных выходных у меня начинается легкое эйфорическое головокружение. Как же я устала за этот сезон!

– А куда собираешься съездить?

– Марина, я собираюсь отоспаться! Это – самое главное. Потом, у моего мужа отпуск начинается на две недели позже, и я даже не знаю, получится ли куда-нибудь вообще выбраться, может, разве к его родным в Питер.

– Питер – это, конечно, хорошо, – отозвалась Марина, вливаясь в поток машин, свернув на нашу улицу. – Но у меня есть предложение поинтереснее. Мы с Игорем как раз через две

недели, это будет середина июля, собирались съездить на Кипр. Не хотите к нам присоединиться?

– А сколько это стоит? – тут же спросила я. Не то чтобы у нас с Володькой не было заначки на отпуск где-нибудь за границей, но ведь заграница заграница рознь.

– Нет, это недорого, на неделю это стоит около трехсот долларов на одного человека.

– Не знаю, – пожала я плечами, когда мы уже въехали в наш двор, – надо посоветоваться с мужем. И потом, ты ведь до сих пор так нас не познакомила с Игорем.

– А ты до сих пор, – с мягкой иронией парировала Марина, – не познакомила меня с Володей.

– Ну, это поправимо, – тут же ответила я.

– Вот и с моей стороны это тоже поправимо. Игорь обещал быть на передаче, значит, там и познакомитесь. Ты извини, – продолжила она, – но он сейчас очень занят, собирается отделяться от своего компаньона, поэтому хлопот много, я и сама его последние пару месяцев почти не вижу, – с легким вздохом закончила она, выходя из машины.

– Да и я не очень часто в последние дни вижусь с супругом, – доверительно произнесла я, когда мы уже направились в сторону нашего подъезда. – У него все экзамены…

– Бедные мы, несчастные, – улыбнулась Марина, – покинутые женушки…

– А по этому поводу, – предложила я, – не заглянуть ли нам ко мне и не расслабиться ли за чашечкой кофе с капелькой ликера? Что скажешь?

– Согласна, – ответила Марина. – Только поднимусь к себе, переоденусь и тотчас спущусь к тебе.

На том мы и порешили. И провели время довольно приятно, обсудив заодно не только предстоящий эфир, но и возможный совместный отпуск. Оставалось только познакомиться с мужьями и заручиться их согласием. Уходя уже около восьми вечера, Марина сказала:

– Даже если наши мужики не захотят составить нам компанию, поедем вдвоем, хорошо?

– Обещать не могу, но подумаю, – заверила я ее, и на этом мы и распрощались.

Естественно, едва мой муж вернулся из института, как я тут же, поставив перед ним тарелку с окрошкой – самой лучшей едой в жаркую летнюю пору, – приступила к мозговому штурму.

– Володя, – сказала я серьезно, – куда ты собираешься повезти меня в отпуск?

– Повезти? – вскинул муж черные брови и удивленно уставился на меня, перестав жевать.

– Ну да, по-моему, я заслужила какую-нибудь загранпоездку в экзотическое место, тебе не кажется? Ты же сам твердишь все время, что мне нужно хорошенько отдохнуть, – добавила я.

– Ира, – вздохнул Володя, – а мы, что, не можем обсудить эту тему попозже? Скажем, после ужина?

– Можем, конечно, – у меня тут же пропал весь запал. – Просто мы только что говорили с Мариной, она предложила нам присоединиться к ним. Они с мужем едут в середине июля на Кипр. На неделю триста долларов за человека. Что скажешь?

– Обещаю подумать, – ответил муж, снова принимаясь за окрошку.

Я вздохнула, но ничего больше не добавила: ладно, еще есть время, а значит, остается надежда на то, что Кипр я в этом году все-таки увижу.

Следующие три дня были, как всегда, полны рабочей суматохи, мы вовсю готовились не только к съемкам, но и приступили к приготовлениям к предстоящему отпуску. Например, Паша сообщил нам еще в среду, что пойдет со своими друзьями в поход на байдарках, чем, признаться, нас немного удивил. Мы-то полагали, что врожденная лень не позволит ему решиться на участие в этом мероприятии, поскольку знали, что Пашкины друзья зазывают его уже не первый раз и он умудряется всегда отказываться, но в этом году Пашка был полон решимости, и мы посчитали, что это, должно быть, добрый знак: он означал, что Пашка, похоже, взрослеет.

Лера собиралась провести отпуск у подруги в Калининграде и вся от предвкушения этого так и светилась. Еще бы, Калининград, если мне не изменяет память, один из красивейших городов, к тому же там тоже есть море. А Галина Сергеевна, как всегда, собиралась побывать в двух местах – у родителей на Украине и у сына в Казахстане. Я же пока отделывалась общими фразами и намеками, поскольку вопрос с Кипром все еще не был решен окончательно.

В общем, мы основательно суетились не только потому, что еще нужно было снять и смонтировать сюжет для будущей передачи, составить сценарий, согласовав его с Мариной, провести репетицию, но еще и потому, что почти из сотни снятых уже программ выбрать те десять, что будут идти в эфире нашего канала все то время, пока мы отдыхаем и готовимся к новому телесезону. Задача оказалась не из легких: мы просиживали в монтажной допоздна, просматривали передачи, стремясь выбрать лучшие, но конца и края горе кассет все не было. А Кошелев, шеф нашей телестудии, отпускал нас всех в отпуск с условием, что мы положим ему на стол лучшие из лучших, снятые за прошедший год. Ситуацию неожиданно спас Валерка Гурьев, наш коллега, журналист-криминалист, делающий на нашем канале криминальные репортажи. Пару раз застав нас поздно в монтажной и посочувствовав от души, он предложил провести голосование.

– Пусть, – сказал он, – телезрительницы сами решат, что именно им хотелось бы увидеть снова. Сообщите телефонный номер, по которому они смогут вам позвонить, а еще лучше провести такое голосование в Интернете.

– С Интернетом ты, конечно, Валера, загнул, – сказала я задумчиво, – потому что основная категория наших зрительниц – домохозяйки и пенсионерки, но в целом идея очень даже ничего… Галина Сергеевна, как вы думаете, это реально?

– В целом, да, – откликнулась Галина Сергеевна, слегка прищурившись и изящным жестом поправив всегда великолепно уложенную стрижку, – надо только с Кошелевым согласовать.

Когда согласовали с «батькой», этот вопрос был решен, и нам оставалось лишь сообщить в эфир номер телефона. Мы решили, что лучше всего обратиться с этой просьбой к телезрительницам после передачи и сообщить их целых два, оговорив, что звонить они могут в течение суток после эфира. А Иван Петрович, специалист по компьютерному оборудованию, обещал устроить так, чтобы подсчет голосов в пользу той или иной передачи шел автоматически.

В пятницу, еще утром, когда я собиралась на работу, а муж уже ускакал к своим студентам, ко мне зашла Марина.

– Привет, – сказала она, когда я открыла дверь. – Ты собираешься на работу? Можно?

– Входи, – предложила я. – Что-то случилось?

– Нет, ничего, просто, знаешь, – Марина улыбнулась смущенно, проходя в гостиную, – я так волнуюсь. Как перед выходом на сцену.

– Ну, считай, что это и будет очередной выход на сцену, – усмехнулась я. – Прямой эфир, диалог со зрителем.

Марина сжимала свои красивые руки и с беспокойством оглядывала комнату.

– Марина, ну, ты чего? – удивилась я. – Присядь. Не волнуйся слишком сильно, ничего не случится, все будет в порядке.

– Знаешь, Ира, – сказала она вдруг, сев в кресло, – у меня какое-то нехорошее предчувствие… – Белогурова заметно побледнела.

– Какое предчувствие? – мгновенно насторожилась я, хоть и не подверженная никаким суевериям, но наученная горьким опытом довольно частых несчастий, случающихся с моими героинями.

– Будто что-то должно случиться, что-то нехорошее… Знаешь, я всегда такие вещи чувствую. Вот однажды, я еще девчонкой была, мне лет десять было, – стала рассказывать Марина, глядя перед собой, – я увидела во сне старую женщину. Обыкновенную деревянную избу,

будто, как раньше были, с такими темными бревенчатыми стенами, представляешь? – Она вопросительно посмотрела на меня, я кивнула в подтверждение. – Вот, и как будто я в эту избу вхожу, на улице светло еще, а в ней такой зловещий полумрак, окошко одно, но и то маленькое, в русской печи огонь горит, освещает слегка это мрачное жилище… А я иду, мне страшно, но я все равно иду к углу, вижу, там кто-то сидит, но кто, не могу понять. Поднимаю глаза, уверенная, что увижу икону, а иконы нет, хотя должна быть, я знаю точно, но ее нет… А я все приближаюсь к этому углу. И вдруг вижу там старую женщину, одетую во все черное. – Марина слегка провела кончиками пальцев от своей макушки вниз. – Вся в черном, а лицо такое белое-белое, губы тонкие и бескровные, и глаза запавшие, усталые, темные. Она смотрит на меня и вздыхает. – У Марины на глазах выступили слезы. – И под этим ее взглядом мне отчего-то так тоскливо стало, так жалко… А кого и не знаю… – Марина посмотрела на меня, моргнув, и слеза скатилась по ее щеке. – То ли себя жалко, то ли ее, то ли еще кого-то, то ли всех людей сразу…

На меня, признаюсь, рассказанное произвело впечатление, и я живо представила себе этот сон, что мне тоже стало как-то неспокойно, но, оказалось, это еще не все. Помолчав, Марина продолжила:

– Не знаю, сколько она так смотрела на меня. Только на следующий день умер мой дедушка…

Я посмотрела на Марину хмуро: нет, только не надо продолжать, хотелось попросить ее, но я не смогла.

– Потом она мне приснилась через несколько лет, перед смертью отца. А еще один раз, два года назад, после такого сна умер брат моей подруги. В автокатастрофе погиб.

Я вздохнула и покачала головой. Я, конечно, всегда предполагала, что актеры личности экзальтированные и подвластные внушению, особенно самовнушению, полагая, что с ними такое происходит оттого, что психика у них более тонкая, менее гибкая, подверженная стрессам, любого рода психическим отклонениям. Но сейчас мне стало на самом деле жутковато, хотя и не скажу, будто я поверила в то, что Маринин сон действительно напрямую связан со всеми случившимися смертями.

– Вот и сегодня она мне приснилась, – между тем сказала Марина, хотя это было уже слишком: я и так поняла, в чем причина ее волнения и бледности.

– Марина, милая, чем меньше ты будешь об этом думать, тем меньше этот сон сможет влиять на реальные события. – Она посмотрела на меня недоверчиво. – По крайней мере, я придерживаюсь именно такой точки зрения, – сочла нужным добавить я. – Конечно, я не толкователь снов и не психолог, но мне показалось, что ты придаешь этому сну слишком серьезное значение, больше, чем он того заслуживает. Может, ты просто стала бояться увидеть эту женщину снова, связав ее со смертью, поэтому, когда она снится тебе, ты уверена, что скоро кто-то обязательно умрет. Ты так не думаешь?

– Я бы рада так думать, – отозвалась Марина. – Но она действительно снится мне перед смертью кого-то из близких. Я боюсь…

– Не знаю, что и сказать, – вздохнула я. – Сходи в церковь, поговори со священником, он что-нибудь посоветует. Ты крещеная?

– Да, крестилась пять лет назад.

– Вот и сходи, полагаю, что священники в таких вещах больше меня разбираются. Если же ты неверующая, сходи к психотерапевту, он тоже в таких вещах разбирается. И, знаешь, оба – и врач и священник – скажут тебе, что незачем увлекаться сновидениями и ни к чему наделять их провидческой силой, которой они изначально не имеют. Пойми, сон до той грани не может серьезно влиять на нашу жизнь, до какой мы ему этого не позволяем. Конечно, есть еще вариант… – Я вздохнула и продолжала предельно серьезно: – Можешь пойти и к какому-нибудь заправскому колдуну-магистру-магу-ясновидящему-экстрасенсу и т. д., и т. п. Вот он-

то как раз и скажет, что снилась тебе сама Смерть, что у тебя родовое проклятие, венец безбрачия и огромная порча с левой или, как вариант, с правой стороны. И, конечно, он может попробовать тебя лечить, но за результат отвечать не может, ведь все ужасно запущено, а лечение у него не бесплатное: ты же должна понимать, сколько стоят все эти раритеты, которыми он пользуется, или, например, как дорого в энергетическом плане ему обходится подключение к Космосу, поэтому он свои затраты компенсирует в плане материальном…

Марина повеселела, слушая мою речь, она даже слегка улыбнулась, что меня порадовало.

– Так что, Мариночка, выбирай сама, к кому тебе лучше обратиться. Если хочешь поддаться суевериям и влиянию каких-то потусторонних сил, о которых мы, к счастью, мало знаем, то они только рады будут на тебя влиять, и чем дальше, тем сильнее. А если не хочешь… если не хочешь, то, как говорит мой знакомый священник, им не так-то просто будет на тебя повлиять.

– Спасибо, – сказала Марина. – Ты меня успокоила.

– Пожалуйста, – отозвалась я. – Я просто высказала свою точку зрения и буду рада, если она тебе пригодится.

– Ты, наверное, опаздываешь? – спохватилась Марина.

– Да, есть немного, но ничего, как-нибудь успею.

– Ира, давай я тебя подвезу, – предложила она. – Это ведь будет быстрее.

– Ну, в таком случае у меня даже есть шанс успеть вовремя.

Марина поднялась к себе за ключами, а я закончила сборы, и вскоре Маринина «Ока» уже остановилась у здания телецентра. Договорившись, что я буду ждать ее около пяти часов вечера, мы простились. Марина обещала, что не станет вспоминать о своем сне. А я подумала, что это будет не так-то просто, ведь она годами привыкала к тому, что этот сон сулит чью-то смерть, и отказаться от этой ассоциации не так просто.

В половине пятого Марина появилась у нас со своим гражданским мужем, Игорем, тридцатилетним красавцем-блондином, рослым и буквально пышущим здоровьем, улыбчивым и голубоглазым, в общем, составляющим Марине самую подходящую пару. Мне он показался как-то смутно знаком, но, где и когда я его видела, я никак не могла вспомнить, хотя память на лица меня обычно не подводила. В итоге, перестав ломать себе голову, я решила, что, может, видела Игоря где-нибудь случайно, но благодаря его богатой фактуре запомнила. Мы определили ему самое лучшее место в студии, прямо напротив Мариниого кресла в первом же ряду, а он, словно большой ребенок, чрезвычайно заинтересовался тем, что происходит на телевидении и как вообще делаются передачи. Он буквально хвостом ходил за Галиной Сергеевной, путаясь в проводах и задавая кучу вопросов, вызывая легкую усмешку своим добродушным видом и блестевшими от любопытства глазами.

– Как тебе Игорь? – спросила Марина, когда нас пригласили в гримуборную.

– О, он мне очень понравился, – честно призналась я. – Мне кажется, он хороший парень и просто обожает тебя.

– И я его обожаю, – ответила Марина. – Его трудно не обожать, он очень внимательный и… забавный.

– Да, он очень милый, – подтвердила я, думая о том, сойдутся ли они с моим мужем. А почему нет?

– Как ты полагаешь, они понравятся друг другу? – спросила Марина, словно прочитав мои мысли.

– Ты о наших мужчинах? – уточнила я. Она кивнула. – Думаю, должны бы, – ответила я, и тут нас пригласили в студию.

Как всегда, все места на трибуне были заняты, и посреди абсолютного большинства женщин всех возрастов, в первом ряду восседал Игорь, глядя вокруг с интересом и каким-то чуть сдерживаемым восхищением. Выглядел он словно султан, окруженный наложницами.

Мы с Мариной переглянулись и улыбнулись друг другу, заняв места напротив трибуны. Эфир начался, и все шло как по маслу. Сначала…

Сначала все шло как по маслу, Марина очаровывала публику, Игорь не сводил с нее восхищенного взгляда, дамы в зале реагировали довольно живо. Затем пошло три телефонных звонка, я спрашивала, Марина – отвечала, Галина Сергеевна благодушно улыбалась, Пашка показывал знаками, что все отлично, Лера сновала по залу с микрофоном. И вот уже до конца эфира оставалось не больше десяти минут. Но прежде чем сделать последнюю рекламную паузу, я обратилась с просьбой о голосовании и продиктовала телефоны. Пошла реклама, мы перевели дух, приготовившись к последнему броску, и тут…

Игорь вдруг как-то заметно побледнел, схватился за горло, потом за грудь, потом попытался расстегнуть воротник рубашки. Марина вскочила с места, подбежала к нему, а он, издав какой-то хриплый звук, вдруг начал заваливаться на свою соседку слева. Дама взвизгнула и попыталась отодвинуться, но она сидела не одна, и поэтому те, кто сидел дальше и мало что понимал в происходящем, заволновались, заругались, и в студии вот-вот готов был разразиться скандал, но Галина Сергеевна, подоспев на выручку, оказалась рядом с Игорем и Мариной, пытающейся поддержать большое тело мужа и о чем-то причитающей, уверенным движением пощупала пульс и скомандовала, перекрыв нарастающий гул в студии:

– Ти-хо! Быстро за врачом! «Скорую»!

Потом она повернулась ко мне и точно так же скомандовала:

– Сейчас повторяешь про телефоны и попрощаешься. Не забудь извиниться за то, что передача получилась короткой! – и, окинув еще раз взглядом растерянную аудиторию, произнесла: – Дамы, сохраняйте тишину, еще пять минут, и вы будете свободны. Кто-нибудь пошел за врачом? А «Скорую» вызвали?

Ей ответили, что да, за врачом побежала Лера, а «Скорую» уже вызывают. Галина Сергеевна удовлетворенно хмыкнула и повернулась ко мне, не сводя с меня внимательного и требовательного взгляда. Я посмотрела на притихшую публику и на притихшую Марину, она села рядом с Игорем, заняв место его соседки, и тихонько поглаживала его, привалив к себе спиной, но молчала. Я поймала ее быстрый взгляд и поняла, чего ей стоило это молчание, но работа есть работа, и, пожалуй, Марина, как актриса, понимала это лучше всех: ведь сейчас у нас тоже шел спектакль, и, что бы ни случилось за кулисами, зрители не должны об этом догадываться, они должны получить то, на что рассчитывали.

Оператор подал мне знак, который означал, что реклама кончилась, и я, помнится, даже удивилась, что все случилось за какие-то три минуты. Я улыбнулась в объектив и произнесла тот текст, что была должна. Голос не дрожал и, только попрощавшись, поняв, что эфир окончен и уже пустили музыкалку, я уразумела, что это короткое выступление стоило мне немалого напряжения.

Я обернулась к Марине и тут же услышала ее тоненький всхлип. В дверях появились Лера и врач, обслуживающий наш телецентр. А через три минуты была констатирована смерть Игоря, предварительный диагноз – обширный инфаркт.

Глава 2

Опуская подробности дальнейших событий, которые не так уж сложно представить, скажу лишь, что «Скорая» подтвердила диагноз и увезла тело Игоря. Я же взяла на себя заботу о Марине.

Конечно, она была в таком состоянии, что страшно было доверить ей управление машиной – молочно-белой «Нивой» последней модели, принадлежавшей Игорю, – и повела машину сама. Марина сидела рядом, совершенно безучастная ко всему, она словно впала в транс, и я серьезно опасалась за ее состояние. К тому же я не могла не думать и о ее вещем, как оказалось, сне. Получалось, что женщина в черном и правда будто напророчила очередную смерть. Даже если у меня появились такие мысли, то нетрудно себе представить, что же тогда чувствовала Марина. Но она молчала, и я не решалась заговорить с ней. Наконец, когда мы оказались почти у дома, я предложила:

– Если хочешь, пойдем ко мне. Наверное, тебе не следует оставаться сейчас одной.

Она посмотрела на меня потухшим взглядом и, поколебавшись, кивнула в ответ. Мы вышли из машины и направились к подъезду. Поднялись ко мне, и я предложила выпить, зная по опыту, что небольшое количество алкоголя – но только очень небольшое – несколько расслабляет в подобных обстоятельствах. Марина опять согласилась без особого энтузиазма. Я налила нам в рюмки коньяку, и мы выпили.

– Знаешь, – сказала она, поставив рюмку на столик, – это все странно…

– Что именно?

– Сердечный приступ, – объяснила она, посмотрев на меня. – Игорь ведь очень следил за своим здоровьем. Он постоянно проверялся, ходил в спортзал и вообще… Был вегетарианцем. А последний раз он заглянул в поликлинику всего месяц назад, и все у него оказалось в порядке.

– А он не мог скрывать от тебя, что на самом деле болен? – спросила я.

– Скрывать? – удивилась Марина.

– Ну, как одно из возможных объяснений, – предположила я. – Говорят, такое нередко случается, когда серьезно больные люди скрывают свою болезнь от родных, чтобы не омрачать последние дни ни им, ни себе. Ты об этом не думала?

– Нет, – покачала она головой, – Игорь был здоров, я это знаю наверняка. У нас один кардиолог, он бы мне сказал.

– И все же? – не унималась я, стараясь хоть чем-то ее отвлечь.

– Если хочешь, я ему при тебе позвоню, – проговорила Марина.

– Позвони, – согласилась я и принесла телефонный аппарат.

Марина набрала номер, но почти сразу положила трубку.

– Занято, – сказала она. – Странно, что эта идея пришла тебе в голову…

– Ты так полагаешь? – удивилась я. – Но мне кажется, что такое вполне возможно. И потом, наверное, даже гуманно по отношению к родным. Не портить им последние дни, не изводить нытьем и стенаниями, уйти, пусть и неожиданно, но без истерик. А родители не могут знать о состоянии его здоровья?

– Его родители умерли, – ответила Марина. – Кажется, лет пять назад. Он тогда только институт окончил… Умер сначала отец, а потом, и года не прошло, как ушла мать. – И она снова принялась названивать кардиологу.

– А кто из родных остался? – спросила я, когда Марина снова положила трубку: кардиолог все еще с кем-то беседовал.

– Тетка и ее дочь, насколько мне известно. – Марина изобразила какую-то брезгливую мину.

– Что, ты их недолюбливаешь?

– Это у нас взаимное, – произнесла Марина. – Мы с Игорем три года вместе, а они до сих пор не желают со мной видеться, хотя он им недавно сказал, что в августе мы поженимся. – Она вздохнула, и на глаза выступили слезы.

– Кардиолог, – напомнила я.

– Ах да, – сглотнув, проговорила Марина, и на этот раз ей повезло: он уже освободился и взял трубку на другом конце провода, а мне представился случай услышать половину их беседы:

– Здравствуйте, Александр Борисович, это Марина Белогурова. Да, да. Спасибо, конечно. Но… Нет, Игорь… Он… Он умер. Сегодня. Обширный инфаркт… Нет, может… – Марина всхлипнула. – А я вам говорю, что может. Да. – Она не договорила и, бросив трубку, разрыдалась в голос. – Он сказал, что… Игорь был абсолютно здоров, – проговорила она сквозь рыдания.

Я встала, обошла стол и села рядом с ней, прижав ее голову к своему плечу и поглаживая по волосам. Пусть, пусть выплачется, наверняка хоть немного, но полегчает. А я тем временем думала о том, что если кардиолог прав и сердце у Игоря было абсолютно здоровым, то, насколько мне известно, инфаркт просто так не случается. В чем же дело?

Не знаю, сколько времени мы так просидели, но Марина понемногу стала успокаиваться. Я заглянула ей в глаза и осторожно спросила:

– Может, приляжешь?

– Да, наверно, – откликнулась она.

– Тогда, пойдем. – Я встала и протянула ей руку. Марина взялась за нее, но не встала.

– Ира, надо сообщить его тетке… – произнесла она таким несчастным тоном, что у меня помимо воли сжалось сердце.

– Если хочешь, – вдруг неожиданно для себя самой, чтобы хоть как-то облегчить ее страдания, предложила я, – позвоню ей.

Марина на минуту потупилась и кивнула:

– Если можешь…

– Я-то смогу, – заверила я Марину. – Ты только номер ее скажи.

Марина продиктовала номер телефона, я записала его на подвернувшейся салфетке и отвела ее наконец в спальню.

– Тебе лучше уснуть, – посоветовала я.

– Я все равно не смогу, пока не узнаю, как она отреагировала, – ответила мне Марина и легла на кровать.

– Тогда я пойду звонить, – сказала я. – Чтобы ты поскорее узнала и уснула.

– Хорошо, – слабо улыбнулась Марина и добавила: – Спасибо тебе.

– Не за что, – вздохнув, проговорила я и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Я прошла на кухню и, сев за стол, пододвинула к себе телефонный аппарат. Набрав номер, я дождалась, когда снимут трубку.

– Да? – услышала я молодой женский голос.

– Здравствуйте, могу ли я услышать Евгению Александровну?

– А кто ее спрашивает? – поинтересовались у меня.

– Это одна знакомая, – ответила я неопредленно. – Но по очень важному делу, это касается ее племянника Игоря.

– А что с ним? – Голос мгновенно стал подозрительным.

– Надо полагать, я говорю с Наташей? – спросила я вместо ответа.

– Допустим, – не очень-то вежливо отозвалась двоюродная сестра Игоря.

– Мне бы лучше с вашей мамой поговорить, это действительно важно.

– Хорошо, – выдохнула Наташа после некоторого раздумья, и тут же я услышала, как она подзывает к телефону мать.

– Да. – Евгения Александровна взяла трубку. – Что вы хотели сообщить? И кто вы, в конце концов?

– Я журналистка Ирина Лебедева, – представилась я, – веду передачу на телевидении, может, слышали, «Женское счастье»?

– Допустим, – с той же интонацией, что и несколькими минутами раньше ее дочь, произнесла она.

– Так вот, дело в том, что сегодня состоялся эфир, на него была приглашена Марина Белогурова, и Игорь был в зале…

– Все, что касается этой вертихвостки, – ледяным тоном заявила Евгения Александровна, – нас не интересует.

– Это касается вашего племянника. Он умер.

Повисла пауза.

– Что вы сказали? – с подозрительной ласковостью спросила она.

– Ваш племянник умер во время эфира. Обширный инфаркт.

– Это чушь! – воскликнула женщина на другом конце провода. – У Игорька было здоровое сердце! Он скорее умер бы от сексуального истощения, чем от инфаркта! И вообще, кто вы такая и что вам надо?! Что за идиотский розыгрыш?!

– К сожалению, Евгения Александровна, – спокойно ответила я, – это не розыгрыш. Я была свидетельницей этого несчастья и, кроме меня, еще несколько десятков людей. Был поставлен диагноз – инфаркт. Конечно, более точно обо всем можно узнать после вскрытия…

– Так это правда? – ахнула женщина, будто ее что-то душило.

– Правда.

– Когда это случилось?

Я посмотрела на часы:

– Полтора часа назад.

– Где?

– В телестудии. На прямом эфире.

– Так вот, значит, почему передача была такой короткой… – рассеянно пробормотала она, и я заключила, что не «все, что касается этой вертихвостки», их не интересует.

– Да, поэтому, – подтвердила я.

– А почему это звоните вы? – вдруг с неожиданной злостью в голосе прошипела тетка Игоря. – Что, Мариночка сама не могла?

– Неужели вы не понимаете, в каком она состоянии? – укорила я тетушку. – Он ведь умер у нее на глазах.

– Я-то все прекрасно понимаю! – воскликнула Евгения Александровна. – Она, значит, вас своим эмиссаром назначила, да?! А самой, значит, оказалось слабо? Ну, еще бы! Ведь это она, она его убила! – Я невольно вздрогнула от такого нелепого обвинения. – И я даже скажу вам, девушка, зачем! Вы, похоже, купились тоже на ее смазливую мордочку, но не все так, как вам кажется! Она убила его из-за денег! Да! Он ведь на нее подписал завещание, всего месяц назад! Ох, дурак, дурак! Сам себе смертный приговор подписал!

Я слушала, не перебивая, ей нужно было высказаться, а мне, возможно, послушать, мало ли зачем пригодится? Я уже знала по опыту, что все действительно частенько выглядит далеко не так, как кажется.

– Я всегда говорила, что она с ним только из-за денег, а он, дурачок, мне не верил! – продолжала между тем Евгения Александровна. – А у нее, сволочи, даже терпения больше, чем на месяц, не хватило! Ну, уж теперь я до нее доберусь! Выведу на чистую воду! Уж она у меня попляшет! Сполна мне за Игорькову смерть заплатит! Я этого дела так не оставлю!

– Евгения Александровна, – перебила я негодующую женщину, говоря как можно более спокойно, – а как она его убила?

– Что?! – чуть не взвизгнула она. – Как убила? Вот это-то я и выясню! Но можете ей передать, что так просто ей все это дело с рук не сойдет! Захотела его денежками попользоваться?! Нет, не выйдет! Я эту породу хорошо знаю! Слышите, так можете ей и передать! Пусть не рассчитывает, что чистенькой выйдет! Ишь, придумала, будто у него сердце больное! Да лучше бы что-нибудь похитрее изобразила! Никто ж не поверит! Все же знают, что он спортсмен был! Вы его видели? Да, значит, сами знаете, что он настоящий Геркулес! Нет, нет и нет! В каком он морге? – без перехода спросила она, поэтому я даже не сразу поняла суть вопроса.

– Что? А, в центральном, – ответила я.

– Ну, ладно! – мстительно проговорила женщина. – Я этим займусь! – И она бросила трубку.

Я посидела немного в раздумье. Похоже, тетушка и правда была не подарок и Марину она действительно терпеть не могла. Почему? Были ли тому веские причины или так было бы с любой, кто оказался бы на Маринином месте? Говорит ли в тетке простая ревность или за этим стоит нечто большее? Не была ли Марина волком в овечьей шкуре? И завещание? Что эта фурия говорила о завещании? Я покачала головой, чувствуя, что в этой смерти действительно много загадочного, и пошла докладывать Марине. Я вовсе не собиралась скрывать от нее правду о разговоре. Предупрежден, значит, вооружен, не так ли?

Я зашла в спальню, приготовившись к разговору, но Марина спала. Я немного постояла, глядя на ее прекрасное – иного слова и не подберу – лицо и думая о том, что было бы очень жаль, если бы за этой красивой оболочкой скрывалась грязь и мерзость. Потом я вспомнила тот взгляд, который она бросила на меня в студии, а затем и то, как она плакала у меня на плече. Конечно, Марина – профессиональная актриса, и на это тоже надо было делать скидку, но все же, как не хотелось верить в то, что она причастна к смерти Игоря. Неужели меня ждет еще одно разочарование в людях?

Я услышала, как в замочной скважине поворачивается ключ, и, выйдя из спальни, я поспешила навстречу мужу.

– Привет. – Я постаралась улыбнуться.

– Привет, – откликнулся Володя и тотчас задержал на моем лице внимательный взгляд, спросил, прищурившись:

– Как у тебя дела?

– Ничего, – тихонько ответила я.

– «Ничего» – это значит, неплохо, да?

Я кивнула в ответ.

– Тогда почему у тебя такой несчастный вид?

– Пойдем на кухню, – предложила я со вздохом.

– Пойдем, – пожал он плечами и направился следом за мной.

Я села за стол и посмотрела на него. Володя опустился на свободный табурет и уставился на меня испытующим взглядом. Я помолчала.

– Ира, – покачал он головой, – только не говори, что опять что-то случилось на передаче…

– Случилось, – виновато откликнулась я.

– Нет, это невозможно! – воскликнул он. – Послушай, тебе и правда следует задуматься о смене профессии! Это какой-то злой рок, честное слово! – Я бросила на него умоляющий взгляд исподлобья. – Что на этот-то раз? – сбавил он обороты, спрашивая уже мягче. – Надеюсь, обошлось без жертв?

– Не обошлось, – откликнулась я снова.

Он глубоко вздохнул и коротко поинтересовался:

– Кто?

– Наш сосед, Игорь Смеловский…

– Смеловский? – нахмурился муж. – Это что, тот, с чьей женой вы собирались в отпуск? Как ее, Марина, кажется?

– Да, тот. Он приехал вместе с Мариной на передачу, и на эфире у него случился сердечный приступ.

– А у него было больное сердце? – почти равнодушно поинтересовался муж, но я все равно заметила нотку облегчения в его голосе.

Надо полагать, чувство облегчения относилось к тому соображению, что хоть на этот-то раз обошлось без криминала и вообще каких бы то ни было таинственных историй. Жаль, конечно, но я должна была его разочаровать, поэтому, вздохнув, сказала:

– В том-то и дело, Володя, что сердце у него было абсолютно здоровым.

Володька уже было собирался отправиться переодеваться, уже встал с табурета, а моя реплика застала его в дверях кухни и вынудила обернуться ко мне с таким растерянным лицом, будто я застукала его на чем-то предосудительном в самый неподходящий момент.

– Что? – повернулся он ко мне. – Прости, я, кажется, не расслышал. По-моему, ты сказала, что у него случился сердечный приступ? Разве при здоровом сердце это возможно?

– В том-то и дело, – проговорила я. – Ему поставили диагноз: обширный инфаркт. Ну, это еще без вскрытия, конечно, а его врач и его родные в один голос утверждают, что с сердцем у него не было никаких проблем.

Володя медленно опустился обратно на табурет и, глядя на меня молящими глазами, произнес:

– Ира, но ты ведь не станешь вмешиваться в это дело, правда? Ты ведь устала, скоро у тебя отпуск, да, можно сказать, ты уже в отпуске…

– Мне еще нужно появиться на работе, – уточнила я, – чтобы подобрать кассеты с передачами на лето…

– Но это не в счет, это и работой-то не назовешь, всего-то каких-нибудь пара часов, – отмахнулся Володька. – Хочешь, мы с тобой съездим куда-нибудь? Например, в Крым? Это ничуть не хуже Кипра, поверь.

– Когда? – спросила я, чтобы не огорчать мужа.

– Ну, через пару недель, я как раз тоже в отпуск пойду, вот и махнем… А? Что скажешь?

– Я не против, – ответила я и даже улыбнулась ему. А про себя подумала: а что же делать предстоящие две недели?

– Значит, обещаешь, что не станешь ввязываться в это дело? – с надеждой произнес муж.

– Нет, я тебе этого не обещаю, – уклончиво проговорила я. – Я всего лишь сказала, что не против съездить в Крым.

– Но Ира! – воскликнул он.

– Что? – Я невинными глазками посмотрела на Володю.

С минуту мы глядели друг на друга с некоторым вызовом, это можно было бы назвать дуэлью на взглядах, поскольку обстановка заметно накалялась. И тут мой взгляд упал за Володькино плечо: там, в дверном проеме, стояла Марина.

– Извините… – произнесла она тихо.

Муж вздрогнул, повернулся и замер.

– Знакомься, Володя, – проговорила я в гробовой тишине. – Это Марина Белогурова, наша соседка и моя хорошая приятельница.

– Здрасьте, – процедил муж, метнув на меня быстрый обжигающий взгляд, поднялся с табурета и, бросив: «Извините», пролетел по коридору мимо Марины. Через мгновение мы обе услышали, как хлопнула входная дверь.

– Извини, – со вздохом пробормотала Марина, подойдя ко мне. – Я, наверное, здесь появилась очень некстати…

– Брось, – ответила я. – Такое иногда случается, и мой муж не исключение, у него порой тоже зашкаливает. Ты поспала?

– Да, – ответила Марина с милой улыбкой. – Спасибо, что заставила меня.

– Чаю хочешь?

– Не откажусь, если, конечно, это удобно, – поправилась она.

– Все удобно, не волнуйся, – заверила я ее и встала, чтобы приготовить нам успокоительного чаю, так моя бабушка называла обычный черный чай с добавлением мяты.

– Ты ей звонила? – поинтересовалась Марина через минуту.

– Евгении Александровне? – уточнила я и села за стол.

Марина кивнула.

– Звонила.

– И что?

– Честно?

– Лучше честно.

– Хорошо, – вздохнула я. – Значит, если честно, то она уверена, что это никакой не инфаркт, что у Игоря было замечательно здоровое сердце и что… – Я немного смутилась, – и что ты имеешь самое непосредственное отношение к его смерти.

– Я? – ахнула Марина и побледнела. – То есть как это?

– Ну, этого она и сама еще не знает, – с легкой усмешкой произнесла я. – Но зато она намерена это узнать. Грозилась, что выведет тебя на чистую воду, что этого так не оставит, ну и прочее, и прочее…

– Подожди, – рассеянно проговорила Марина. – А почему она так решила? Зачем мне это? Ведь я же любила его! Мы хотели пожениться… – В ее бездонных глазах заблестели слезы.

– А ты не догадываешься? – поинтересовалась я, пристально глядя на Марину. Неужели она ничего не знает о завещании?

– Нет, – ответила она твердо, а я задумалась, уж не врет ли она и стоит ли мне говорить ей о завещании.

– Тетя твоего гражданского мужа уверена, что он отписал тебе все свое имущество, – Я решила все-таки сказать об этом.

– Что? Что ты сказала? – удивилась Марина.

– То, что он все завещал тебе, все, что имел, понимаешь?

– Но с чего ты это взяла?

«Да нет, – подумала я, – вроде не похоже, чтобы она играла, притворялась, хотя…»

– Так ты ничего об этом не знаешь? – уточнила я.

– О чем об этом?

– О завещании, Марина, – произнесла я. – Тетка Игоря сказала, что незадолго до… Словом, что буквально месяц назад он ей сам сказал, что составил завещание и что главной наследницей по нему получаешься ты.

– Нет, Ира, ты что-то путаешь. – Марина произнесла это с таким видом, что я ей невольно поверила. Даже если это и игра, то как гениально сыграна!

– Почему? – все-таки поинтересовалась я. – Неужели он не мог тебе ничего завещать?

– Не знаю, мог или нет, но мы с ним никогда ничего такое не обсуждали. Да, последнее время мы все чаще стали задумываться о том, что надо бы пожениться официально, даже решились на это, чуть ли не дату назначили, но завещание… Нет, – покачала она головой. – Я даже не подозревала, что оно у него вообще есть.

– Что ж, зато об этом знала его тетя, – проговорила я. – И она, между прочим, уверена, что и ты была в курсе. А еще, что ты его никогда не любила, что жила с ним ради денег и что,

узнав о завещании, каким-то таким образом изловчилась и устроила ему инфаркт. Извини, но это ее версия. Поэтому она намерена вывести тебя на чистую воду и даже просила тебе это передать, чтобы ты, так сказать, не расслаблялась.

– Спасибо, – невесело усмехнулась Марина, – за то, что передала.

– Не за что, – вздохнула я, встала и налила нам настоявшегося уже чая.

– Спасибо еще раз, теперь за чай, – произнесла Марина, глядя в кружку. – Только пусть она выясняет, что хочет, и вообще строит какие угодно версии, но только я здесь совсем ни при чем… Надеюсь, ты-то мне веришь? – Она несчастно взглянула на меня.

Я вспомнила все, что случилось нынче в студии, и кивнула. Уж не знаю, какая у Марины была отметка, когда она училась по системе Станиславского, но только поверить ей очень хотелось. И потом, я ведь уже говорила, что она мне нравилась.

– Спасибо, – проговорила Марина.

– Хватит благодарностей, – отрезала я, – пей чай, его нужно пить горячим.

Марина послушно кивнула и отхлебнула из кружки.

– Хочешь переночевать у нас? – спросила я.

– Нет, не думаю, что это будет правильно, – покачала головой Марина.

– Да брось ты! Как ты там одна. – Я подняла глаза к потолку.

– Не знаю, но только, извини, мне нужно побыть одной.

– Ладно, – вздохнула я. – Делай так, как считаешь нужным. Если что, можешь запросто обращаться ко мне со всем.

– Спасибо еще раз, – произнесла Марина, допив чай и поднимаясь из-за стола. – Надеюсь, с мужем-то вы помиритесь?

– Я тоже надеюсь, – ответила я, провожая ее до дверей.

– Вот и съездили на Кипр… – проговорила Марина уже в дверях и вдруг, поддавшись какому-то порыву, обняла меня.

– Марина, если что, ты знай, я же рядом, – ласково сказала я, обнимая ее в ответ.

– Да, спасибо, я помню, – откликнулась Марина. – Завтра увидимся. Пока.

– Пока, – попрощалась я и закрыла за ней дверь.

Вернувшись на кухню, я допила уже остывший чай и села у окна. Где же Володька?

Вообще, такое поведение было несвойственно моему, слегка занудному, но в целом довольно выдержанному супругу. Отчего он вдруг так среагировал, мне было не совсем понятно, но я надеялась, что это у него пройдет довольно скоро. Впрочем, мои надежды оправдались, потому что минут через десять после того, как ушла Марина, я услышала, как в замке поворачивается ключ. Я улыбнулась, встала и пошла ему навстречу.

– Привет, – сказал муж, войдя в прихожую с двумя пакетами.

– Привет, – несколько удивленно произнесла я, принимая из его рук протянутые мне сумки. – Что это?

– Продукты, – ответил он.

Я прошла на кухню и, поставив пакеты на стол, принялась их разгружать. Володя появился следом, обнял меня сзади за талию и, прижавшись губами к моему уху, зашептал:

– Ира, ты меня прости, я даже сам не понял, с чего завелся…

– Все забыто, – ответила я.

– Я прощен? – уточнил муж, щекоча меня своим дыханием.

– Прощен, – подтвердила я.

– Тогда… – Он отпустил меня, порылся в пакетах и достал коробочку «Раффаэлло».

– Ой! – воскликнула я при виде самого любимого моего лакомства. – Дай поцелую! – Я повернулась к мужу и прижалась к его губам.

Объяснения, разговоры, уговоры, продукты и даже вожделенные конфеты были благополучно забыты едва ли не до утра.

Глава 3

Наутро, проводив мужа в институт, заботливо покормив его перед выходом яичницей и напоив кофе, я решила подняться к Марине и узнать, как она себя чувствует. Марина открыла мне после второго звонка в дверь, и вид ее красноречиво говорил, что предыдущая ночь была проведена без сна и в слезах. Впрочем, она все равно была красива, даже с припухшими глазами. «Удивительно», – подумала я, ощутив несильный укол совести, потому что предыдущую ночь сама провела отнюдь не в слезах.

– Привет, – сказала я. – Как ты?

– Да ничего, жива, – ответила Марина. – Проходи.

Я прошла следом за ней в комнату, обставленную не без вкуса и изящества, села на светлый, напоминающий облако, диван.

– Не спала? – участливо поинтересовалась я.

– Да, почти не спала, – откликнулась Марина, устроившись с ногами в кресле и глядя на фотографию Игоря, стоящую на низком стеклянном столике рядом. – Звонила вчера его друзьям…

– Ну, и?..

– Наплакалась… – с горькой улыбкой сказала она. – Обещали сегодня приехать.

Тут в дверь позвонили, мы переглянулись, и я подумала, что, должно быть, зашла не вовремя, если это его друзья, то мне здесь делать нечего.

Марина пошла открывать, а я решила сразу уйти, как только кто-то из них появится в комнате. Не хотелось присутствовать при церемонии соболезнования, тем более что хоть Смеловский и казался мне при жизни подозрительно знакомым, но я его совершенно не знала. Однако это оказались не друзья. И даже наоборот.

Через некоторое время в комнату вошли, как говорится, двое в штатском, которые, выразительно посмотрев на меня, переглянулись, и один, тот, что помоложе и поподозрительней, поинтересовался у Марины:

– Родственница? – кивнув в мою сторону.

– Нет, соседка, – отозвалась она, посмотрев на меня умоляющим взглядом.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил меня молодой нахал.

– Сначала вы, – тоже снахальничала я.

Он хмыкнул, извлек из кармана летней рубашки, увы, знакомую мне не понаслышке, красную корочку и, раскрыв ее привычным движением, сказал:

– Капитан Самойленко.

– Тележурналистка Лебедева, – ответила я, глядя ему прямо в глаза.

– Значит, вы соседка? – уточнил капитан.

– Значит. Живу внизу.

– Хорошо, нам как раз нужны понятые. Согласны присутствовать при обыске?

– При обыске? – переспросила я и посмотрела на растерянную Марину. – А на каком основании, позвольте поинтересоваться?

– На основании заявления гражданки Пряжниковой, а также на основании телефонного звонка.

– Ничего не понимаю, – нахмурилась я.

– Это тетя Игоря, – сказала Марина, и я тут же вспомнила вчерашние телефонные угрозы в адрес Марины. Оперативно работает Евгения Александровна, ничего не скажешь. А какой такой телефонный звонок?

– А что за звонок? – спросила я.

– К нам поступил сигнал, – ответил мне второй, пониже и поскромнее видом. – Мы приехали проверить. Ордер имеется.

– Замечательно! – только и смогла вымолвить я, поражаясь проявленной оперативности не только Пряжниковой, но и следственных органов.

– Так вы согласны присутствовать? – опять поинтересовался высокий. Я кивнула. Он тоже кивнул и обратился к напарнику:

– Нам нужен еще один понятой. Саша, сходи, приведи кого-нибудь.

Послушный Саша отправился на выход, а капитан Самойленко достал из папочки бумаги.

– Марина Валентиновна, – сказал он Марине, – мы сейчас проведем у вас обыск на предмет вещественных доказательств отравления вашего сожителя Смеловского Игоря Николаевича.

– На предмет чего?! – изумленно воскликнула Марина.

Но тут появился Саша со вторым понятым, которым оказался сосед по квартире справа, толстопузенький и лысоватенький дядька лет пятидесяти, в спортивном костюме и с изрядно помятой со сна физиономией.

После соответствующих процедур нас, понятых, повели на кухню, где на глазах у изумленной публики капитан Самойленко, натянув резиновые перчатки, недолго думая, полез в мусорное ведро, пошарил там и достал со дна небольшой, отлитый из темного стекла пузырек.

– Все видели? – спросил он, показывая нам его.

Мы все, потрясенные только что проделанным фокусом, кивнули, даже Марина.

– Что это? – тут же спросил у нее Самойленко.

– Не знаю…

– Вы видели эту вещь прежде?

– Нет, не видела.

– То есть вы отрицаете, что эта вещь принадлежит вам?

– Да, отрицаю, – твердо ответила Марина.

– Тогда каким образом вы можете объяснить ее появление в вашей квартире? – ехидно поинтересовался он.

– То есть вы хотите сказать, в мусорном ведре? – не сдержалась я, оскорбившись за Марину.

– Помолчите, понятая, – сурово одернул меня капитан. – Так каким образом эта вещь попала к вам?

– Я не знаю, – ответила Марина. – Может быть, это Игоря…

– Возможно… – хмыкнул Самойленко. – Экспертиза разберется. Саша, ты все записал?

– Да, – откликнулся Саша, старательно записывающий «все» на листе бумаги, устроившись у кухонного стола.

Самойленко кивнул и предложил нам, понятым, расписаться.

Прежде чем поставить свою подпись на протоколе, я тщательно его прочла, но, увы, не нашла, к чему придраться. Похоже, Саша знал толк в составлении таких бумажек. Я расписалась. Толстопузика проводили, поблагодарив и напомнив, что, если понадобятся его показания, он должен явиться, а я осталась. Двое в штатском собирали свои бумажки, и, собрав их, высокий сказал:

– Марина Валентиновна, будьте дома и никуда не выезжайте из города. Мы вас вызовем. До свидания. Можете не провожать.

И все. Большего мы от них не услышали. Когда за ними захлопнулась дверь, мы с Мариной удивленно переглянулись: ощущение создалось такое, что все это нам привиделось.

– Как ты думаешь, что они нашли? – спросила я.

– Понятия не имею, – пожала плечами Марина. – А ты заметила, что они явно знали, где искать?

– Заметила, – кивнула я. – Но если ты не знаешь, что это, то откуда он, пузырек, попал в мусорное ведро?

– Может, Игорь… – с сомнением произнесла Марина и, сев в кресло, задумалась, припоминая. – Да нет, не было в нем ничего. Ведро я выносила позавчера вечером.

– Что бы это ни было, – невесело проговорила я, – а, на мой взгляд, ничего хорошего от этой находки ждать не приходится.

– Согласна, – как-то обреченно откликнулась Марина.

Мы помолчали.

Так на моих глазах обнаружилось то, из-за чего Марину позже, уже через день, ждало обвинение, пусть еще не официальное, но повлекшее за собой ее задержание, впрочем, что же это я забегаю вперед? И этот-то день еще не кончился, хотя дальнейшие события развивались не так стремительно.

Еще некоторое время мы с Мариной сидели молча, затем она, видимо, что-то вспомнив, сделала рукой какое-то нетерпеливое движение, и я посмотрела на нее. Маринино лицо разгорелось, она прищурила глаза и, отвечая на мой невысказанный вопрос, заговорила:

– Ира, я, кажется, знаю, откуда этот пузырек.

– Знаешь? – переспросила я.

– Да, вчера, после того, как я вернулась, подбросив тебя на работу, ко мне приходил мужчина. Он представился сотрудником Газэнерго и попросил разрешения посмотреть трубы на кухне. Я видела его документы, он мне показал какое-то удостоверение, но, к сожалению, я не очень-то внимательно его рассмотрела… Так вот, – продолжила она, – он был на кухне минут пять, а я как раз в ванной, кое-что достирывала…

«Скорее всего, – подумала я, словосочетание «кое-что достирывала» означало, что она просто вынимала белье из машины-автомата, но это не меняет дела. Незнакомый мужчина был на ее кухне, и этого оказалось достаточно».

– А потом? – поинтересовалась я.

– Что – потом? Я заглянула, он что-то там у плиты делал, а потом, поблагодарив меня, вышел, сказал, что все нормально, что это плановая проверка. И все.

– Хорошо, если ты не рассмотрела его документы, то хотя бы как он выглядел, помнишь?

– Ну, как выглядел? – Марина пожала плечами. – Я бы сказала, что выглядел он очень обычно. На нем был синий спецкомбинезон, волосы темные, в очках, роста… довольно высокого… Лет так тридцать с небольшим, ну, это чисто внешнее впечатление.

– Да уж, не богато… – проговорила я.

– Да уж, – отозвалась Марина. – Но если это не он, тогда я вообще не знаю, откуда этот пузырек. Но зато уверена, что мне его подбросили, а менты точно были о нем предупреждены!

– Это так, – согласилась я, – но пока мы не знаем, что в нем, мы не знаем, кому это могло понадобиться. И потом… Ты говоришь, сотрудник Газэнерго? – Марина кивнула. – Если это действительно плановый обход, то он должен был побывать у всех жильцов, верно?

– Ну, наверное, ты права…

– Сейчас, подожди, – Я встала и решительно направилась к выходу.

– Ира, ты куда? – услышала я вслед.

– Пойду удостоверюсь, что он был действительно сотрудником Газэнерго, – ответила я, открывая входную дверь.

Первым делом я позвонила соседу слева, тому самому, что был вместе со мной понятым. Он открыл дверь не сразу, похоже, снова завалился спать, а когда открыл, то, помигав заспанными глазками, спросил:

– Что-нибудь еще?

– Да, – ответила я, – один вопрос. У вас вчера был сотрудник Газэнерго? Примерно с десяти до одиннадцати часов утра?

– Вчера? – Толстопузик почесал плешинку. – Да, вроде кто-то приходил, позвонил, да только я не стал открывать, так, сквозь сон слышал. У меня ведь ночная работа, так что днем я обычно сплю. Это сегодня что-то не очень спалось, так я звонок милиционера услышал, подумал, ну, пойду посмотрю, кто там второй день названивает. А насчет вчерашнего… Насчет вчерашнего только могу сказать, что кто-то звонил в дверь, и все…

– Спасибо, – поблагодарила я. – Это все. Можете идти спать дальше.

Мужик хмыкнул, посмотрел на меня еще несколько мгновений и, только когда я взялась за ручку Марининой двери, захлопнул свою. Я немного постояла, а затем все же решила проверить, как обстоит дело у соседей справа. На мой требовательный звонок дверь открыла девушка лет восемнадцати, довольно субтильная и рыжеволосая, одетая в облегающие коротенькие шортики и крохотную маечку-топ.

– Что вам? – Она с минуту всматривалась в мое лицо, а потом, видимо, узнала. – Ой! Вы, Ирина Анатольевна?

– Да, я, – ответила я.

– А что? Что такое? Неужели вы…

Возможно, она ожидала, что я пришла с тем, чтобы просить ее стать героиней моей следующей передачи, но мне пришлось девицу разочаровать:

– У нас тут небольшое чепе, вы не могли бы нам помочь?

– Всегда пожалуйста, – разулыбалась девушка.

– Вы вчера утром были дома? Не подскажете, был ли у вас сотрудник Газэнерго с плановой проверкой?

– Вчера? – Она вскинула неестественно тонкие брови. – Да, был, такой вежливый мужчина. Это было где-то в половине одиннадцатого, он пришел, покопался несколько минут на кухне и ушел, сказав, что все в порядке. А что, – расширила она зеленые глаза, – что-то случилось?

– Да, это переодетая женщина, за которой мы давно охотимся и пытаемся заполучить ее в нашу передачу, у нее, видите ли, такое вот довольно забавное хобби – переодеваться в сотрудников Газэнерго и обходить дома, а нам, сами понимаете, очень интересно узнать, зачем она это делает, – бездарно и без энтузиазма соврала я.

– Ой! – воскликнула девица. – Неужели это женщина? А с виду и не скажешь! Ну и ну! Такой воспитанный мужчина, в очках…

Не знаю, возможно, она еще что-нибудь сказала бы мне по этому поводу, но только както не было у меня желания общаться с этой милой девушкой и дальше; я поблагодарила ее за помощь и решила спуститься на свой этаж: так, на всякий случай узнать, действительно ли этот «сотрудник» побывал во всем подъезде?

Я спустилась вниз и позвонила в дверь своей соседки, Марьи Ивановны. Из-за двери меня сначала спросили, кто там, а потом только, услышав, кто именно, дверь открылась, и я увидела благодушно улыбающееся лицо старушки.

– Доброе утро, Ириночка, – проворковала она. – Что-то случилось?

– Нет, Марья Ивановна, – вежливо ответила я. – ничего, я просто хотела узнать у вас кое-что…

– Да, что? – встрепенулась старушка, как и всем старушкам, ей до крайности нравилось, когда у нее что-то хотели узнать. – Да ты проходи, проходи, что же в дверях-то разговаривать?

– Спасибо, я ненадолго, – сказала я, но все-таки прошла.

– Вот, Марья Ивановна, – начала я, – говорят, вчера у нас в доме был плановый осмотр? Сотрудник Газэнерго приходил? А меня не было дома.

– Да-да, голубушка, был такой, – кивнула Марья Ивановна. – Почитай, у всех в нашем подъезде был, ну, из тех, кого дома застал, конечно. Мы еще вчера с соседками удивились, ведь день-то рабочий, да и время, больно-то уж неурочное, одиннадцать часов дня. Это ж больше

половины народу на работе, а им вдруг осмотр приспичил, да еще плановый! Я ему даже сказала давеча об этом, а он мне ответил, что, мол, ведь и у них день такой же рабочий, как и у остальных. Но обещал, что на следующей неделе, может, снова придет.

– Вот как… – пробормотала я, подумав, что надо было сразу идти к Марье Ивановне.

– Да, – кивнула она седовласой стриженой головой. – Да ты не расстраивайся, Ириночка, – проговорила она, заметив мое явное разочарование. – Или у тебя что с плитой случилось?

– Да нет, пока вроде ничего, – ответила я.

– Ну, так и не расстраивайся. А то, если хочешь, сходи в наш ЖЭК, скажи, чтоб явились к тебе, посмотрели персонально.

– Спасибо, Марья Ивановна, я, пожалуй, пойду, – сказала я. – Так вы говорите, у всех был?

– Да, заходил-то ко всем, да вот только дома-то не все были. Он и к тебе звонил, но вы-то с Володькой уже давно на работе были, надо полагать?

– Да, на работе, – откликнулась я. – Ну, ладно, спасибо, я пойду.

– Счастливо, Иринушка, счастливо, – попрощалась со мной соседка, и я вышла из ее квартиры.

«Так, – подумала я, поднимаясь к Марине, – выходит, сотрудник и правда был, значит, откуда бы этот пузырек ни появился, вряд ли в этом виноват рядовой служащий Газэнерго, по чистой случайности устроивший плановый осмотр накануне смерти Игоря Смеловского». Я поднялась к Марине и сообщила ей все. Она, выслушав, немного побледнела.

– Знаешь, Ира, я вот тут подумала, что толку голову ломать над тем, откуда этот пузырек взялся и что в нем, все равно мы не знаем. Вот когда узнаем, тогда и будем думать, откуда он мог взяться. В понедельник похороны, мне только что звонили из морга. Сказали, что если хочу, то могу его в воскресенье забрать домой, а если не хочу… Я не хочу, – дрогнувшим голосом сказала она. – Не могу себе представить, что он тут будет… – Марина сглотнула комок и продолжила: – Тетка его звонила, сказала, что не подпустит меня к нему даже проститься. А я все равно пойду!

– А вскрытие уже было? – спросила я.

– Да, было…

– Ну и что врачи говорят? Отчего он умер?

– А они ничего не говорят! Сказали, чтобы в понедельник я приехала утром, у них там вопросы какие-то или что-то в этом роде… Я толком, честно признаться, и не поняла.

– Ладно, в понедельник выяснишь.

– Да уж, – пробормотала Марина.

В дверь снова позвонили, и на этот раз это оказались Игоревы друзья. Едва они вошли в комнату – человека четыре, – я предпочла ретироваться.

Дальнейшие события этих выходных мало что могут прибавить к рассказываемой мной истории, а потому я их, наверное, пропущу. Скажу лишь только, что я готовилась к предстоящему отпуску, Марина готовилась к похоронам, тетка продолжала терроризировать Марину, друзья выражали ей сочувствие, а муж подозрительно за мной наблюдал: видимо, опасался, что я все-таки, каким-то фантастическим образом, найду способ вляпаться в это дело. Впрочем, пока вроде и вляпываться-то было не во что. Ни о результатах экспертизы, ни о результатах самого вскрытия мы пока ничего не знали.

Эти два дня заполнились неспешными делами, они были такими тихими, что невольно напоминали затишье перед грозой, и чем ближе становился понедельник, тем сильнее так казалось.

Утром в понедельник Марина должна была поехать в морг. И вот тут-то все и началось.

Марина должна была явиться туда в девять утра, хотя похороны были назначены только на два часа дня. Меня это обстоятельство несколько встревожило. Но у меня и у самой оста-

вались дела на работе, а потому, побывав у своей новой подруги накануне, я с утра отправилась на работу, чтобы продолжать готовить кассеты с записью передач, планируемых даваться в повторе. Так что о том, что именно выяснилось при вскрытии, я узнала гораздо позже, только в пять вечера, когда, возвращаясь с работы и попрощавшись с моими коллегами на месяц, я решила зайти к Марине.

Она открыла мне дверь тотчас, и я сразу поняла, что стряслось что-то из ряда вон выходящее.

– Привет, – сказала я. – Что случилось?

– Проходи, – как-то не совсем естественным голосом пригласила Марина.

– Марина, – нахмурилась я, пройдя в комнату, – да что с тобой? Что, тетка что-нибудь на похоронах отчебучила?

– И тетка тоже, – вздохнула Марина. Она достала пачку «Voog» и, выудив из нее тонкую сигаретку, прикурила.

– Я и не знала, что ты куришь, – заметила я, подозрительно глядя на Марину.

– Редко, – виновато произнесла она.

– Марина, да что с тобой? Давай, расскажи, в чем дело! И тебе полегче станет, да и я, может, немного успокоюсь.

– Это вряд ли, – невесело усмехнулась Марина, испытывая мое терпение.

– По крайней мере, я точно буду знать, почему ты такая, – нетерпеливо подгоняла я.

Марина, не докурив и до половины, затушила сигарету и, вздохнув, глянула на меня, потом отвела глаза и наконец заговорила:

– Начну с утра. В девять я приехала в морг, и тут выяснилось, что, конечно же, Игорь умер вовсе не от инфаркта, а, как показало вскрытие и экспертиза, он был отравлен…

– Да ты что? – ахнула я. Конечно, я предполагала что-то подобное, но все равно слышать это было не так уж приятно.

– Представь себе, – горько подтвердила Марина. – Оказывается, отравили его каким-то ядом, который вообще никаких следов в организме человека не оставляет, но эти, как их… симптомы, очень смахивают на сердечный приступ. Понимаешь? – взглянула она на меня.

– Да, – кивнула я. Хоть Марина и не очень ясно выражала свои мысли, но я тут же поняла, о каких симптомах идет речь. – Подожди, – засомневалась я, – если этот самый яд никаких следов в организме не оставляет, откуда же они взяли, что Игорь был отравлен?

– Из пузырька, – уныло ответила Марина.

– Да ты что?! – воскликнула я. – Из того самого?

– Из него… – нехотя подтвердила она.

– Ну и дела… – пробормотала я, не зная, что говорят в подобных случаях.

– Так что теперь я получаюсь главной подозреваемой, – обреченно добавила Марина немного погодя.

– Но если ты – главная подозреваемая, – недоумевала я, – то, извини, почему ты дома?

– Я дала подписку о невыезде, а также обещала, что явлюсь в отделение завтра в восемь ноль-ноль.

– А что, теперь такое возможно? – удивилась я.

– Возможно, – хмыкнула Марина, – правда, не бесплатно. Я должна была поехать на похороны…

– Так ты там была? – осторожно спросила я.

Марина кивнула в ответ.

– И что, как себя вела тетушка?

– Лучше не спрашивай, мне было так стыдно. – Марина вздохнула. – Хорошо, что я успела попрощаться с Игорем раньше…

– Ну, так, значит, в пузырьке был обнаружен яд. – Я решила, что это сейчас более безопасная тема. Марина опять кивнула. – Хорошо, но каким образом им удалось установить, что именно этим ядом Игоря и отравили?

– Ира, ну откуда я знаю? – воскликнула Марина. Я помолчала, а она предположила:

– Наверное, они сделали анализ и узнали, что именно этот яд не оставляет следов в организме… Как же еще?

– Да, но с чего они решили, что именно ты его отравила? Я чего-то недопонимаю…

– Дело в том, как мне сказали, – со вздохом принялась объяснять Марина, – что этим ядом можно воспользоваться только вместе с едой, понимаешь? То есть Игорю это подлили в какое-то блюдо. Причем, насколько я поняла, сделано это было за сутки до его смерти, не раньше.

– Это значит, что в последние сутки своей жизни он и был кем-то отравлен?

– Да, точнее врачи ничего сказать не могут, ну, там, отравили его за два часа до смерти или за двадцать два. Тут, сказали, все зависит от дозы… И так нагло спрашивают меня, какую дозу вы ему подмешали?.. Со мной чуть истерика не случилась. Но это еще не все, – вздохнув, произнесла Марина. – Тетка закатила такой скандал, что я сбежала с кладбища. Она заявила, что я убийца, ну и так далее.

– Марина… – осторожно проговорила я, – все равно не понимаю, почему тебя не задержали… Они ведь обязаны…

– Говорю же, я им заплатила. И потом, я позвонила одному другу Игоря, прочие-то вряд ли после сегодняшнего станут со мной общаться, а Степан, он хороший, главное, он мне верит, что это не я… – Она пристально посмотрела на меня. – Ира, а ты мне веришь? Скажи…

– Не вопрос, – покачала я головой. – Конечно, верю.

– Хорошо, – вздохнула Марина. – Значит, я смогу на тебя рассчитывать, если что?

– Безусловно, – подтвердила я и пожала Марине руку.

– Вот, только ты и Степка у меня и остались… – Марина невесело улыбнулась. – Он адвокат, он и помог до завтрашнего дня получить отгул и пообещал, что потом вытащит меня под залог – до суда, если он, конечно, состоится. И вот тут, Ира, – глаза у Марины как-то странно заблестели, – у меня к тебе есть одна просьба, если… Если ты, конечно, веришь в то, что я Игоря не травила… – Марина, – покачала я головой, – ты что, хочешь, чтобы я родной матерью поклялась?

– Нет-нет, – слегка испуганно произнесла Марина. – Ира, – набралась она духу, – ты не могла бы встретиться с теткой? Я знаю, что накануне, в четверг, Игорь обедал с ней и ее дочерью в «Прометее». Знаешь, где это? – Я кивнула. – Вот, обед был, кажется, в два часа дня. Это не к тому, что я ее подозреваю, а к тому, что если не я, то кто-то же его отравил. И этот кто-то с ним обедал…

– Что ж, я могла бы, – после некоторого размышления ответила я.

– Правда? Значит, ты мне правда веришь? – Глаза у Марины заблестели ярче. Я снова кивнула в подтверждение, и Марина буквально кинулась мне на шею.

– Марин, но я ведь только пообещала встретиться с теткой… – несколько растерявшись от такого бурного проявления чувств, пробормотала я.

– Нет, не только, – откликнулась Марина, отстраняясь от меня, – ты дала мне почувствовать, что веришь в меня… а это для меня сейчас очень важно…

– Ну, хорошо. – Я вздохнула, похлопав ее по руке. – Телефон у меня есть, но встречусь я с ней только завтра, хорошо?

– Конечно, – легко согласилась Марина. – Надеюсь, что тебе она не откажет, ты ведь местная знаменитость. – она улыбнулась.

– Да, но мне кажется, – добавила я задумчиво, – тебе все же следует поделиться своими соображениями и с милицией…

– Какими? – улыбнулась Марина. – Тем, что ты – местная знаменитость?

– Нет, – я не отреагировала на шутку, – тем, что тетя Игоря сама может иметь непосредственное отношение к его отравлению, чем, возможно, и вызвана ее бурная реакция и желание все свалить на тебя.

– Хорошо, может, я им это и скажу, – проговорила Марина, – но только сначала посоветуюсь со Степкой.

– А ты ему доверяешь?

– Как тебе!

– Отлично, – усмехнулась я.

Мы еще немного посидели, а потом я вернулась к себе. Было над чем призадуматься… Когда вернулся муж, я отчего-то почувствовала себя несколько виноватой, хотя разве согласие встретиться с тетушкой и составить о ней определенное мнение может быть классифицировано как вмешательство в это запутанное дело? Мне казалось, ничуть не бывало, но вот мужу говорить о предстоящей встрече и об обещании Марине я почему-то не решилась. Неужели я все-таки уже влезла в это дело? Нет, не может этого быть!

Глава 4

Как бы там ни было, но обещание свое я намерена была исполнить, хотя, конечно, положа руку на сердце, плохо себе представляла, чем именно могу помочь Марине. Ну, встречусь я с Евгенией Александровной Пряжниковой и ее дочерью Натальей, и что? При чем здесь мое мнение об этих достойных особах и как оно может повлиять на обвинение Марины, буде такое вынесено в ближайшие семьдесят два часа? Я что, сыщик? Никак нет. Так в чем же дело? Почему я все же согласилась встретиться с этими дамами? Из каких таких соображений?

Примерно так я размышляла, уже лежа в постели и слушая мерное посапывание мужа под боком. Почему же я все-таки решила встретиться с Пряжниковыми? Уж явно не только потому, что мне было жаль Марину. И даже не потому, что мне действительно очень хотелось ей помочь. Так почему же? Ответ был прост и буквально лежал на поверхности, другое дело, что я упрямо не желала *это* принимать за единственно правильный ответ, за аргумент, перевешивающий все прочие. А ведь дело было в том, что мне *хотелось* вмешаться в это дело. Да, я с радостью, которую ощутила где-то внутри, выслушала Маринину просьбу и сразу согласилась, правда, не сразу дала свое согласие. Приходилось признаться, что все-таки всеми этими расследованиями я, журналистка Ирина Лебедева, занимаюсь из любви к искусству. Есть, должно быть, у меня в характере какая-то жилка, которая не позволяет пройти мимо загадочных преступлений, да еще таких, которым я становлюсь невольной свидетельницей. Благо, замечу в скобках, на подобные экзерсисы моя судьба довольно щедра. Так почему же я все время пытаюсь найти оправдание своему вмешательству во все эти дела и почему никак, проявляя незаурядное упрямство, не желаю признавать, что на самом-то деле все гораздо проще. Так просто, как название одного голливудского фильма. Я просто люблю подобные неприятности.

Конечно, звучит это как-то не слишком убедительно. Разве может нормальный человек любить обилие загадочных происшествий, так и норовящих случиться именно тогда, когда он находится в непосредственной близости от них. Или, например, наличие трупов вокруг своего детища, своей телепередачи «Женское счастье»? Да, должно быть, «люблю» – это слишком сильное выражение. Но разве не любят свою профессию сыщики, разве не любили они ее и в прежние века, начиная с классиков и заканчивая авангардом? Мне-то всегда казалось, что сыщиком становится только тот, у кого в крови имеется в наличии некая загадочная субстанция, невидимая взгляду и даже оку микроскопа и не выявляемая ни при каких анализах. Но эта-то субстанция и не дает человеку покоя, заставляет, принуждает его вмешиваться в любого рода происшествия, к которым у него имеется хоть маломальская тяга. Поэтому-то так много сыщиков-любителей экстра-класса и класса пониже. Я, конечно, застряла где-то в последних рядах этой блестящей когорты, но должна же я в конце концов признаться хотя бы самой себе в том, что не могу не вмешаться в какое-то происшествие, да еще если оно и загадочное! Ну не могу – да и не хочу, чего уж там! – я сидеть сложа руки, когда вокруг происходит *такое!* Возможно, я только с виду респектабельная дама, а на самом деле…

Я закрыла глаза и представила, что я сыщик. У меня есть свой маленький офис и свои клиенты, и ношу я брючные костюмы неярких расцветок и вообще стараюсь не бросаться в глаза, не запоминаться… До поры до времени, конечно. И что дела у меня раскрываются чуть ли не сами собой… «Нет, стоп, – сказала я тут себе, – так не пойдет. Почему это «сами собой?», никак не сами. Я прилагаю усилия, проявляю чудеса наблюдательности и сообразительности, и только благодаря мне, Ирине Лебедевой, раскрываются мрачные преступления, над которыми без толку бьются родные следственные органы! И если бы меня не было, то меня бы просто следовало придумать!»

Так, в приступе мании величия, видя себя этаким Шерлоком Холмсом и еще многими гениальными сыщиками, я уснула. Излишне добавлять, что мне снилось, как я одно за другим,

словно орешки щелкаю, раскрываю самые загадочные из самых загадочных убийств, и как за это Президент вручает мне в итоге огромную золотую медаль за заслуги перед Отечеством самой высокой степени, и как я обещаю служить Родине и давить гадов, как клопов…

– Ира, – прошептал муж тихонько, щекоча дыханием, мне в ухо, – Ира, я пошел. Буду в восемь, – и чмокнул меня в нос.

Я пробормотала нечто нечленораздельное, видимо, должное выразить, что я буду скучать и ждать и чтобы он не задерживался. И перевернулась на другой бок в надежде досмотреть прерванный на такой торжественной ноте сон, но, как это слишком часто бывает с такими капризными вещами, как сны, у меня ничего не получилось. Образ Президента, декорации Грановитой палаты и я сама в строгом, по случаю официального приема, костюме, с медалью на пузе, безвозвратно исчезли, оставив после себя лишь легкий дымок воспоминаний и жутко приятное, хотя, конечно, и несколько абсурдное впечатление.

Я еще немного повалялась, стараясь вспомнить приятные подробности прерванного сна, а потом все-таки встала и пошла на кухню. Налив себе кофе, села у окна. Конечно, сон был всего лишь сном и я вовсе не гениальный сыщик, да и не сыщик вовсе. Но все равно то, что я путем самоанализа узнала о себе вчера вечером, до того, как уснуть, меня несколько успокоило. Что ж, если я и в самом деле не могу обойтись без неприятностей и участия в них, то, может, пора уже смириться с таким положением вещей. Может, это судьба у меня такая?.. И какой смысл в таком случае испытывать приступы вины, особенно в общении с моим дорогим супругом, если я хочу вмешиваться в эти происшествия и все равно изыскиваю для этого способ? Он может дуться сколько угодно и восклицать в негодовании: «Что, опять?! Ничего не желаю слышать!», но ему придется смириться с таким положением вещей. Пусть считает пристрастие к дилетантским расследованиям еще одним моим недостатком. Впрочем, насколько я знаю, супруг полагает, что у меня нет недостатков. Что ж, тем лучше, будет хотя бы один. А кстати, следует выяснить, на самом ли деле он считает, что недостатков у меня нет?

В любом случае лично для себя я нашла прекрасные и важные аргументы, которые помогут мне и впредь не краснеть и не оправдываться всякий раз, когда в моей жизни или на моей передаче случится нечто экстраординарное. Я люблю докапываться до истины, так же как люблю свою передачу и своего мужа. А если он скажет, что все это только потому, что мне нечем заняться на досуге, то я знаю, что сказать ему в ответ. «Возможно, – скажу я, – если бы у нас появились детишки, у меня и правда не осталось бы времени на это». А дальше пусть уж он сам думает и решает.

Придя к такому выводу, я улыбнулась и, сладко потянувшись, направилась в ванную.

Евгении Александровне я позвонила в одиннадцать.

– Да? – Трубку взяла сама тетушка.

– Здравствуйте, это снова вас беспокоит Ирина Лебедева с телевидения, – скромненько представилась я.

– А, это вы? – Я не поняла многозначительности в голосе моей собеседницы.

– Да, это снова я, – подтвердила я, не зная, что же хочет от меня услышать эта дама, и не желая ее разочаровывать.

– Что ж, хорошо, что вы позвонили, – благосклонно на сей раз заметила она, чем, скажу откровенно, несколько удивила меня. – Я как раз думала, кому бы из ваших позвонить… – протянула она. – Я хочу дать интервью.

– С удовольствием, – согласилась я, скорее по инерции хотя вообще-то это была не моя сфера.

– Вот как? Значит, вы позвонили тоже по этому поводу? – поинтересовалась Пряжникова.

– Так точно, – отрапортовала я.

– Отлично, – удовлетворенно заметила она. – Сегодня вы сможете подъехать?

– Да, безусловно. – Я тут же прикинула, что, наверное, следует подключить к этому делу Валерия Гурьева, вдруг он заинтересуется. – Во сколько и куда?

– Можно встретиться у меня, скажем, часа в два дня. Вас устроит?

– Безусловно, – снова согласилась я. – Надеюсь, тема будет касаться вашего племянника? – на всякий случай поинтересовалась я, чтобы задать правильный тон предстоящей беседе.

– Точно, я хочу поговорить о том, что случилось с Игорем, – откликнулась дама на другом конце провода.

– Хорошо, – сказала я. – Вы не будете против, если со мной, возможно, будет еще один человек. Он тоже тележурналист.

– Ни в коем случае, – заверила меня Евгения Александровна. – Приезжайте вместе.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Пока не за что, девушка, – чуть надменно произнесла Пряжникова. – Записывайте адрес…

Я записала адрес и, еще раз поблагодарив, положила трубку. Что ж, первый тайм мы, кажется, отыграли. Посмотрим, что будет дальше. Я позвонила на работу и попросила к телефону Гурьева.

– Гурьев у телефона, – через некоторое время откликнулся Валерий. – Это кто?

– В рифму не отвечу, – сказала я, – и не надейся.

– О, Ирочка, – узнал он меня с первой же попытки, – неужели? Какими судьбами?

– У меня к тебе дело, точнее, у меня к тебе есть одно предложение, если, конечно, оно тебя заинтересует.

– Ира, Ира, – многозначительно произнес Валерка, – неужели ты решилась? Ну, конечно, меня это очень даже заинтересовало…

– Не паясничай, – беззлобно огрызнулась я. – Того, на что ты намекаешь, тебе не видать никогда!

– А на что я намекаю? – прикинулся шлангом Валерка.

– Ладно, ни на что, – сдалась я. – Ты что-нибудь слышал о смерти в нашей студии в минувшую пятницу?

– Шутишь! – воскликнул Валерка. – Да об этом весь телецентр только и гудит! Поговаривают, будто дело нечисто?

– Вот именно, я в курсе некоторых подробностей и, если тебя это может заинтересовать…

– Когда и где встречаемся? – тут же принял охотничью стойку Гурьев.

– У телецентра в половине первого. Там я тебе и расскажу все, что знаю. Пока знаю. Если захочешь, поедешь со мной.

– И куда?

– В одно место, – усмехнулась я. – Подробности при встрече.

– Договорились, – согласился Валерка. – Пока, до половины первого. Встретимся в скверике, да?

– Да, конечно, – и я положила трубку.

Затем я приступила к сборам, решив, что Евгения Александровна наверняка относится к тому типу женщин, которые терпеть не могут яркие цвета и излишнее пользование косметикой – другими. Что же касается ее самой, то тут я пребывала в полном неведении, даже не в силах представить, как она выглядит. Возможно, это сухая и чопорная дама, а может, напротив, этакая мисс Гарпия, с великолепными формами времен Ренессанса. Однако я остановила свой выбор на скромном серо-голубом костюме с юбкой длиной чуть ниже колена и довольно закрытым жакетом. Что касается макияжа, то решила обойтись лишь тушью и бледной помадой, а волосы предпочла убрать в простую гладкую прическу. Посмотрела на себя в зеркало,

надела туфли-лодочки на невысоких каблуках и, оставшись довольна своим внешним видом, отправилась на встречу с Гурьевым.

Правильно рассчитав время на дорогу, я ничуть не опоздала и прибыла на место встречи, в небольшой скверик неподалеку от телецентра, как раз в половине первого. Валерки еще не было. Я прошлась пару раз туда-обратно и только тогда увидела его невысокую коренастую фигуру в другом конце скверика.

– Ну, ты опаздываешь, как девушка на свидание, – покачала я головой, когда Валерка подошел ко мне. – Я жду тебя уже десять минут, а между тем ровно в два мне нужно быть в другом конце города.

– Извини, – смущенно проговорил Гурьев. – Обещаю, что на свою встречу ты в любом случае не опоздаешь.

– Вот как? – Я в удивлении подняла брови. – Неужели ты меня отвезешь?

– Угадала, – ухмыльнулся мой коллега по работе. – Кстати, мы прямо сейчас можем сесть в мою машину, и ты расскажешь по дороге, что там у тебя.

– Хорошо, – согласилась я. – Наверное, так и правда будет лучше.

– Тогда прошу. – Гурьев галантно предложил мне руку, выставленную крендельком.

Я усмехнулась и приняла его приглашение. Мы прошли к машине, и, сев в нее, я начала свой рассказ, предварив его так:

– Полагаю, что мы успеем добраться до места, если проедем минут тридцать, а пока я расскажу тебе, куда все-таки направляюсь и почему решила позвонить тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.